

Дмитрий Казаков

**БУРЯ МГЛОЮ
НЕБО КРОЕТ...**

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
К14

Серия «Настоящая фантастика» основана в 2010 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Катерина Довжук*

Казаков Дмитрий

К14 Буря мглою небо кроет... : роман / Дмитрий Казаков. — М. : Снежный Ком М, 2019. — 288 с. — (Настоящая фантастика).

ISBN 978-5-6042584-1-5

Его зовут Руслан, он лучший облакоходец Крыма, и его ждет смертельное испытание — погоня за похищенным из музея предметом.

Ее зовут Людмила, вместо прошлого у нее черная дыра в голове, из настоящего — погруженная в чудные ритуалы коммуна на одном из астероидов.

Пушкинопанк — бешеный сплав космооперы, киберпанка и «нашего всего», истинная антинаучная фантастика.

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6042584-1-5

© Казаков Д., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д. В.), 2019
© Оформление: Олин М., 2019

Забавный малый, не педант

Ее груди были холодны, как два надувных шарика со сжиженным гелием.

И это означало — Руслан на ложном пути.

При желании он мог вывесить над головой часы, какие угодно, хоть старинные, с маятником и стрелкой, хоть просто цифры в пустоте, любое устройство, которое в состоянии показать, сколько осталось до явления Каменного Гостя.

Но он знал и так — пять минут ровно.

Облако давало всю информацию, Облако было в нем, и сам он находился в Облаке...

Еще триста секунд, и если Руслан не преуспеет, он услышит тяжелые шаги, от них сотрясется все вокруг. Каменный Гость, выйдя из стены, разорвет неудачника на части, а за пределами Облака это отзовется переломами рук, ног, ребер, челюсти.

Ничего на самом деле страшного, за пару дней кости срастутся, но больно и неудобно.

Ставки высоки, но тем интереснее...

Ощущая, как бурлит в душе щекочущий азарт, Руслан нагнулся к безупречно-правильному лицу Донны Анны в обрамлении золотых волос. Аккуратно лизнул ее в ухо, левой рукой покрутил сосок, а правую решительно двинул вниз, к бедрам.

Упругие, большие груди начали теплеть... ага, все правильно!

Руслан лизнул еще раз, настойчивее, Донна Анна ожила, дрогнула, из губ ее вырвался стон. Только порадоваться он не успел, поскольку перед глазами, закрывая треть поля зрения, развернулось диалоговое окно.

Тысяча дьяволов, кто посмел вторгнуться в пространство заезда?

— Руслан Пардо? — осведомился из окна седой, коротко стриженный мужчина: в ухе серьга с алым камушком, она существует и в Облаке и за его пределами, знак высшей касты в коммуне Таврида. Ого, второй консул!

— Да! — отозвался Руслан, не переставая лизать Донне Анне ухо, тискать ее грудь и гладить лоно.

Его собеседнику доступен только диалоговый канал, он ничего не видит, кроме лица, точнее его статичного отображения, «слежка». За тем, как проходит заезд, могут наблюдать лишь авторизованные зрители и другие участники.

— Пришло время испытания. — На лице консула появилась улыбка. — Ты готов?

Вельзевул и все отродья его, ну почему именно сейчас?!

Да, Руслан подавал заявку месяц назад, тайком от приятелей готовился, тренировался...

И если он сейчас откажется, то больше у него такой возможности не будет!

Коммуне Тавриды и ее лидерам совершенно до светодиода, пройдет гражданин Пардо испытание или нет, останется до конца жизни одним из тех, кто этой жизнью только наслаждается, или докажет свое право на серьгу с алым камушком...

Испытание нужно ему самому.

— Да! — прорычал Руслан, ощущая, как Донна Анна под ним нагревается и оживает, начинает шевелиться.

И тело его откликнулось так, как должно, кровь устремилась туда, куда положено.

Вот только он совсем не обрадовался...

— Тогда приступим. — Консул удовлетворенно кивнул, исчез, пространство окна заняли ряды черных закорючек на белом фоне.

Буквы — так они называются.

Анахронизм, порождение древности, без которого в двадцать четвертом веке обойтись так же просто, как без каменного топора, и без которого прекрасно обходится девять десятых человечества.

Донна Анна — и почему ее так называют? — вцепилась в Руслана, укусила за нос. Прохладная нежная ладонка скользнула по спине, огладила ягодицу...

— Беги, сокройся от о... очей, Ци-цитеры слабая царица! — начал он, вглядываясь в плясавшие перед глазами символы. — Где ты... где ты, гроза ц-царей, свободы гордая певица?

Три минуты двадцать семь секунд до явления Каменного Гостя.

Реальная вплоть до запаха пота и сумасшедшего блеска в голубых глазах девица, которую нужно довести до оргазма, если не хочешь остаться с переломанными костями...

И текст — его надо прочитать, чтобы пройти испытание.

Доказать, что ты знаешь буквы и умеешь правильно их озвучивать!

— Приди, сорви с меня венок, разбей изнеженную лиру... — тут голос его прервался. — Хочу воспеть Свободу миру, на тронах поразить порок...

Пришло время доказать, что Руслан Пардо на самом деле лучший облакоходец Тавриды. Подтвердить, что две задачи одновременно для него плевое дело, пусть даже одна взывает к примитивным, древним инстинктам, а другая требует напряжения всех сил интеллекта.

Он развернулся, усадил Донну Анну на себя и буквально смял ее груди в ладонях, вызвав у виртуальной девицы болезненный стон. Краем уха уловил донесшийся из реального мира смех в сопровождении аплодисментов.

Но сейчас ему не до зрителей.

Они-то не видят того, что видит облакоходец, и не слышат его слов...

— Увы! куда ни брошу взор — везде бичи, везде железы, — читал Руслан, двигая бедрами.

На миг отвлекся, и Донна Анна откинула в стороны его руки, тяжело рухнула сверху. Шелковистые волосы хлестнули по лицу, прядь угодила в рот, он поперхнулся и едва не сбился.

— Везде несправедная Власть в сгущенной мгле предрассуждений... — хрипел Руслан, ощущая, как от напряжения

хрустит в голове, между имплантатами. — Воссела — Рабства грозный Гений и Славы роковая страсть. Лишь там над царскою главой...

Еще и текст ему подсунули чудной, древний, с необычными, заковыристыми словечками!

Минута пятнадцать...

Язык Донны Анны проник в рот Руслана, но он ухитрился не остановиться, шепелявил куда-то вбок:

— И горе, горе племенам, где дремлет он неосторожно...

Тело пылало, струйки пота жгли глаза, его трясло, пах терзали судороги, не столько приятные, сколько болезненные, но успеха он добиться пока не мог, как ни старался.

Кто на этот раз программировал белобрысую сучку?!

Развернуть Донну Анну, заткнуть ей рот собой так, чтобы не мешала читать... быстрее, быстрее!

Тридцать секунд.

Снизу и сбоку прикатился тяжелый удар, от которого дрогнуло широкое ложе, где они кувыркались. Колыхнулись буквы в диалоговом окне, по стенам цвета мышьиной шкуры побежали трещины.

Каменный Гость... ох, задница Люцифера!

— ...и станут вечной стражей трона народов вольность и покой, — почти выкрикнул Руслан, ощущая, что сейчас лопнет от натуги, не только внизу, но и вверху, разлетится на частички не больше атомов.

Диалоговое окно мигнуло, в нем появился консул.

— Испытание пройдено, — сказал он равнодушно. — Поздравляю. И сочувствую.

Кивок Руслана совпал со вторым тяжелым ударом, за ним прикатился третий, четвертый...

Десять секунд. Окно закрылось.

В стене проявились очертания громадной, тяжеловесной фигуры в доспехах: нависает вычурный шлем с перьями, выпирает нагрудник с гербом, блестят наколенники из металла, клацают остроконечные ботинки из того же материала.

Пять.

И тут Донна Анна испустила вибрирующий, тонкий крик, тот воткнулся в уши подобно спице. Каменный Гость разочарованно вздохнул и отступил, а перед глазами Руслана все расплылось.

Он сидел в кресле с высокой спинкой, ноги лежали на подставке, руки на подлокотниках. Дышал тяжело, сердце колотилось, как бешеное, в голове шуршали, отходя от нагрузки, имплантаты, по лицу тек пот, уже не виртуальный, настоящий.

Вокруг толпились зрители, парни, девчонки, сплошь молодые, не старше самого Руслана.

— Нормальная концовка, — бросил кто-то.

— Да я вообще обалдела! — добавили из задних рядов, от окна, из которого открывался вид на мыс Фиолент.

Игровая платформа мягко покачивалась на волнах Черного моря.

Потрудись Руслан приглядеться, он без труда определил бы, чем кто занимается в Облаке — по еле заметным отсветам вокруг головы видно: один чатится, другой выбирает кино, третий рубится в игрушку, четвертый рисует или монтирует клип.

Но лезть в чужие дела таким образом не принято.

Да и не особо ему сейчас интересно, кто как убивает время.

— Отличный заезд, — это Сильвер, тоже облакоходец и игрок не из последних. — Шансов на победу у тебя нет, но...

Он осекся, глаза на загорелом лице расширились.

Руслан понял, что разговоры и смешки исчезли, все плятятся на него, точнее на его правое ухо, туда, где пока еще только в Облаке, но появилась серьга с алым камушком, похожим на каплю крови.

Во взглядах читалось удивление, недоверие, а кое у кого и зависть.

— Зачем? — спросил Сильвер, делая шаг назад.

Руслан нервно кашлянул и пожал плечами — эх, если бы он сам знал ответ на этот вопрос?

Бах, и вынул из мешка золотого петушка!

Кинг Дадн вздрогнул от ярости, кулаки сжались сами.

— Прощу меня извинить, — промурлыкал Кот Ученый, по обыкновению сидевший на толстенной золотой цепи, главном украшении громадного дуба посреди Зала Совета. — Крайне срочная информация требует внимания уважаемых граждан. Доступ?

Искин коммуны Гудзона избрал на сегодня аватару толстенного серого котичи с хвостом трубой и золотыми глазами. Он не станет вмешиваться из-за пустяков, серьезные дела были решены заранее, так что это наверняка происки врагов Дадна, а их у него предостаточно.

Только что его в пятый раз подряд избрали верховным полководцем.

Какую инаугурационную речь он заготовил?

Но его оборвали в самом начале, на второй фразе, не успел он дойти до побед Юлия Цезаря!

Ничего, когда Дадн узнает, кто это устроил, то отомстит!

— Доступ разрешен, — проговорила старейший из членов совета, Угга-Ведьма.

Она ревновала к успехам Дадна и плела интриги регулярно, просто из любви к искусству.

В обычных условиях Кот не стал бы спрашивать разрешения, а передал бы информацию каждому из людей в зале, но сейчас они изолированы от Облака, никто извне не может увидеть и услышать, что творится внутри прозрачных стен помещения на вершине Небесной Башни.

С километровой высоты можно различить море на юго-западе, руины Нью-Йорка и чудом уцелевшую посреди хаоса Большого Падения статую Свободы со вскинутым факелом.

Но Дадну было не до любования красотами.

Армия готова, ждет в буферной зоне, до начала войны считанные дни!

— Гость просит допуска на военный совет, — промурлыкал Кот, пошевеливая ушами. — Представился он как Звездочет.

— Что?! — рявкнул рыжий Петер, один из верных соратников Дадна. — Это шутка?!

Эх, жаль, что Совет за последние годы изменился так сильно...

Элизабет, подруга юности, сумасшедший мастер разудалых атак, не боявшаяся никого и ничего... сбегала в Антарктиду три года назад и сменила тело на пингвинье. Марк, надежный, как скала, неутомимый боец, никогда не сдающийся... исследует древние города в Европе. Средний сын, Принс, срстил мозг с космолетом ради того, чтобы стать вольным странником по кольцам Сатурна, в компании таких же чудачков перебираться с одной бесплодной каменюки на другую, изучать айсберг за айсбергом.

Иногда Кинг Дадн злился, что не может никого удержать, что они живут совсем не так, как предки.

Каждый волен поселиться там, где хочет, и делать то, что хочет.

Никаких государств, границ и документов...

— Нет, не шутка, — сказала Угга-Ведьма, лицо ее отразило искреннее удивление.

Кто мог зазвать в Гудзон Звездочета, сумасшедшего отшельника-изобретателя изо льдов и снегов Гренландии?

Разве что Инга, лучший проектировщик коммуны, единственная механотелая в Совете, непонятно зачем оставившая человеческую голову на грибовидном теле из черного металла, с которого свисают клешни манипуляторов. Она без сомнений завидует Дадну, в глубине души мечтает не только создавать боевые механизмы, но и вести их в бой, отдавать приказы.

Он сам начинал как инженер и хорошо помнил, каково это.

— Пусть подождет, — заявил Дадн, вскинув подбородок. — Или проваливает.

И тут же понял — ошибся, зря пошел на поводу у эмоций.

Да, он полководец, и его власть на полигоне абсолютна... но только на полигоне, во время войны. Здесь, в Небесной Башне, он всего лишь один из членов Совета, и прав у него не много больше, чем у любого из граждан коммуны.

— Поставим вопрос на голосование, — заявила Угга-Ведьма, и зеленые глазищи ее сверкнули вызовом. — Итак, кто за то, чтобы допустить на военный совет человеческое существо, известное как Звездочет, и кто против допуска на совет этого человеческого существа...

— Допуск оформлен, — объявил Кот Ученый через минуту, ушедшую на безмолвный обмен информацией.

В черном полу протаял белый прямоугольник, выдвинулась кабина лифта, из нее шагнул рослый, почти как Дадн, но сутулый мужчина: высокие сапоги, что-то вроде пальто, белая меховая шапка, в руках чемоданчик из черной кожи, на морщинистой физиономии неуверенная улыбка.

Звездочет жил один, выбирался из своей глухомани по большим праздникам, а чужаков совершенно не жаловал.

— Привет тебе, гость, — сказала Угга-Ведьма, насмешливо глянув в сторону Дадна. — С чем пришел ты?

От ярости он сжал челюсти так, что заняли скулы.

Ну ничего, он придумает, как отомстить...

— Э... ну... хм, я... как бы... — промямлил Звездочет, растерянно моргая. — Вы же... Война у вас, да?

— Да, — подтвердил Дадн, меряя изобретателя взглядом.

Каков интерес старого болвана, чем его купили?

Или он и вправду явился сюда по своей воле?

— А я это, принес вот... хм, подарок вам, — сообщил Звездочет и поднял чемоданчик.

— Что там? — спросила Угга-Ведьма.

— Я покажу... — Щелкнули застежки, и взглядам предстал металлический петух: сверкание золотых и серебряных перьев, огонь рубиновых глаз и хохолка, сталь когтей. — Он как бы вот... Апдейт...

— К чему? — влез Петер.

— К нему, — Звездочет указал на Кота. — Боевое наращение, хм, дозволенное... Можете проверить... В инфосферы боевых кораблей...

И дальше он понес окоlesiцу про анизотропность пространства и реликтовое излучение, из потока слов Дадн выловил лишь, что им предлагают боевой сканер нового типа... И такая штука очень пригодится в грядущей войне,

ведь развернется та в глубоком космосе, за орбитой Сатурна, где нет даже астероидов, а помимо заблудившихся пылинок и молекул газа пространство украшают только расстояния.

— Совместимость подтверждена, — заявил Кот, едва Звездочет перестал мямлить. — Установка на боевые механизмы займет час семнадцать минут.

Изобретатель опустил птицу на пол, та поежилась, забила крыльями, дернула головой. Зал Совета огласило победоносное кукареканье, и петух, взлетев, уселся на золотой цепи рядом с Котом.

— Ну, спасибо тебе... — сказала Угга-Ведьма без особой радости. — Что ты хочешь от нас в ответ?

— Э, ничего, как бы нет, — Звездочет помотал головой, белая шапка съехала на ухо. — Потом как бы... если помощь, то я...

«Так не бывает, — подумал Кинг Дадн. — Зачем-то он на это пошел, явился сюда. Только зачем?»

Нет, надо будет еще разок «микроскопом» проверить золотую птицу и ее начинку, разобраться, какого рода апдейт там внутри и нет ли в нем каких троянских коней, что могут показать себя в разгар войны...

— ...ну, попрошу, — выдавил наконец Звездочет и поправил шапку.

— Хорошо, обращайся, когда понадобится, — сказала Угга-Ведьма, величественная как настоящая королева из далекого прошлого, хотя нет ее власти за пределами Зала Совета. — А сейчас мы вынуждены просить тебя уйти, ибо войну пристало обсуждать лишь меж своих.

— А... э, я понимаю...

Лифт возник рядом со Звездочетом, тот шагнул внутрь, провалился сквозь пол.

— Вернемся к нашим баранам, — и Угга-Ведьма посмотрела на Дадна.

Тот ощутил, как на нем скрестились десятки взглядов, выпятил грудь и откашлялся. Неспешно провел рукой по гладко выбритому, черному черепу, растянул в улыбке пухлые губы и заговорил, тщательно следя за интонацией, контролируя жесты и выражение лица.

С золотой птицей он разберется позже, а сейчас речь, достойная непобедимого полководца, не знавшего поражений два десятилетия...

Итак, она звалась... Людмилой

Поверхность, ровная, белая... другая поверхность, третья, состыкованы под прямыми углами... верх, бока, низ... всюду поверхности, одинаковые, скучные, ровные... Хотя нет, с одной стороны поверхность черная, испещрена множеством точек... точки светятся, одни неподвижны, другие шевелятся, вот одна вспыхивает, другая бросает луч в сторону... красный...

Можно ли двигаться тому, что находится в объеме, замкнутом поверхностями?... Это нужно проверить... Сейчас... Зуд, шевеление, вибрация... перед глазами объект розовый с пятью отростками, все сгибаются, если им приказать... рука и пальцы?... Смешные наборы звуков...

Слова, да... они рождаются где-то внутри, вываливаются, словно крохотные звонкие шарики, они скачут по полу, порождая эхо, мерцание теней и колыхание света там, где нет ни света, ни теней, вообще ничего.

Она думала... она? Почему? Кто она?

Очередное слово кажется родным, знакомым, словно предмет, не раз побывавший в руках, запомнивший тепло пальцев, звук ее дыхания, набор слогов... Лю... Людмила. Нечто, называемое именем, привязанное к ней незримыми путями, колышущееся в такт ударам сердца.

Да, теперь она знает: ложе, стены, потолок, пол, щели в одной из стен складываются в дверь, черная стена зовется окном, но непонятно, что за ним расположено, непонятно, где находится она сама, имеется пустота там, где должны быть воспоминания о происходившем ранее... ранее, позже, сейчас, одновременно, время.

Людмила. А если произнести?

Она пробует, напрягая то, чему не знает названия, шевелит отростком во рту, тужится всем телом, хрипит,

старается так, что на лбу и шее выступает жидкость, и хриплым карканьем вырывается изо рта:

— Людмила!

Крик словно подбрасывает ее, и она садится, с изумлением разглядывая одеяло и торчащие из-под него собственные ноги, тоже розовые, с пальцами, мало похожими на те, что на руках. В голове екает боль, хочется одновременно улечься обратно и вскочить, рвануться к двери, забарабанить по ней изо всех сил.

Зачем? Что это даст? Кто она? Где она? Зачем она? Почему страх, что это такое? Вопросы бомбардируют ее словно градины, оставляя мокрое колющее послевкусие всюду, от пяток до макушки... Пятки, макушка, между ними тело, ее тело, оно есть, оно существует, оно мыслит и работает.

— Людмила, — повторяет она тише, и на этот раз горло подчиняется намного лучше. Раз подчиняется, то можно повелевать, и она опускает ноги на пол, удивляясь его теплоте и мягкости, осторожно встает, ощущая, как сокращаются мышцы бедер и лодыжек, как тело трепещет от наслаждения, словно пребывало в неподвижности долго, очень долго.

Время? Течение времени, минуты, секунды, часы, года... измерение... зачем оно? Пространство?

Резкий щелчок заставляет Людмилу развернуться, и тело повинуется с удивляющей ее легкостью. Дверь исчезает, в темном проеме воздвигается нечто... некто сплошь из шевелящихся буро-зеленых отростков, из скопления которых смотрит огромный черно-желтый глаз.

Страха больше нет, есть чудовище, пришедшее ее убить, и с ним можно драться! Людмила прыгает вперед, пробуя на вкус новые понятия, настоящий поток их течет через голову: битва, сражение, схватка, побоище, война, насилие, истребление, вторжение. Наносит удар, целясь пальцами в глаз, но отростки, шершавые и холодные, охватывают ее ладонь, скользят выше, и вот она не может двигаться, бессильно держится в стальных объятиях.

Монстр заносит ее в комнату, аккуратно кладет на ложе, с которого она только что поднялась. Рядом с ним появляются другие, один высокий и тонкий, другой маленький

и квадратный, весь в черном, третий с головой огромной жабы на человеческих плечах.

— Успокойся, — говорит тот, что в черном, и голос его, мощный и гулкий, заставляет вздрагивать стены. — Людмила, никто из нас не причинит тебе вреда. Мы твои друзья. Понимаешь?

Услышав свое имя, она затихает, напрягает ресурсы памяти и ума, пытаясь найти значение слова «друзья». Находит, пробует на вкус и понимает — она не верит, не хочет верить, что эти существа — ее друзья: чудовищное скопление отростков, человекожаба, и облаченный в черное, самый жуткий из всех.

Теперь она видит его лучше: голая макушка, пучок седых волос на подбородке опускается до пола, криво торчащие под углом плечи намекают на горб, длинное одеяние из кожи в металлических висюльках, молниях и цепочках, огромные перстни на пальцах, и равнодушные, холодные глаза, вроде бы человеческие, но на самом деле куда более чужие, чем единственное око монстра или узкие гляделки жабоголового.

— Она в шоке, — меж тем говорит тот. — Понимает ли она нас?

— Понимает, клянусь грядущим имамом, — кивает обладатель черного одеяния. — Людмила, меня зовут Шварцетод, ты находишься в пределах коммуны Веста, под моей опекой.

«Коммуна, Веста, имам» — эти слова ничего не говорят ей, не рождают отклика внутри, и она молчит, переводя взгляд с одного на другого. Нельзя показывать, что она не доверяет им, нужно улыбаться, немного растягивать губы... вот так, уголками вверх. Делать это она умеет не очень хорошо, но она будет учиться... обучение, тренировка, воспитание, знания, постижение — новая волна понятий накрывает ее с головой.

— Целесообразно ли разговаривать с ней сейчас? — Голос у монстра оказывается тонким, женским и очень мелодичным. — Может быть, дать время ее мозгу...

— Целесообразно, хотя и безобразно, и всяко-разно, — прерывает ее Шварцетод. — Пусть привыкает к нам...

Людмила, твое прежнее тело погибло в результате несчастного случая во время одной из игр, в которой принимала участие наша коммуна, но мозг твой мы сумели извлечь неповрежденным.

Мозг? Игры? Тело? Совокупность руки-ноги-пальцы-живот-горло-остальное... Ощущения тепла-холода, щекотки, пустоты, наполненности, пульсации, избытка-недостатка.

— Я хочу есть, — говорит она, не очень понимая, что именно произносит, но не сомневаясь — да, действительно хочет, это не требование разума, а потребность тела, организма.

Шварцетод качает головой, обнажает в улыбке гнилые... нет, просто черные зубы.

— Ты не можешь хотеть есть, — говорит он. — Нынешнее тело, как и прежнее... — крохотная заминка в его речи, — оно трансформное. Ты не нуждаешься в любом виде пищи. Названий до тыщи...

Пища, еда, продукты... здесь какой-то провал, нехватка знаний.

— Я хочу есть, — повторяет она.

— Не глупи, — вступает жабоголовый. — Это отрывка мозга, не изжитый инстинкт. Потребность в пище у тебя отсутствует, к этому нужно приспособиться, свыкнуться.

— Ты на нашем попечении, — вновь громыкает Шварцетод. — Отдыхай пока... Если что понадобится, вызывай Балду, это искин нашей коммуны... покажись, рябая морда!

Он топает короткой ножищей, брякают цепочки и висюльки, воздух рябит, из пустоты возникает четырехрукий мужик: рыжая копна волос, веснушчатая физиономия с единственным глазом посреди лба, неприятно шевелятся длинные и гибкие пальцы, так похожие на шупальца.

Людмиле хочется ударить это создание, ее одолевает желание вскочить и убежать, но тело, еще недавно покорное и сильное, отказывается служить, она не в силах пошевелить и пальцем.

— Я... хочу... выйти... — произносит она, напрягаясь до судорог.

— Нет, не сейчас, позже, — произносит Шварцетод, и на ее лицо падает его тяжелая, горячая ладонь.

Сон, забвение, исчезновение, смерть.

Чей подвиг будет не напрасен?

Руслан не знал, какого дьявола его среди ночи срочно вызвали в консульский дворец.

После испытания прошло четыре дня, он обзавелся реальной серьгой в ухе и успел привыкнуть к новому статусу, как и к тому, что недавние приятели смотрят с опаской и изумлением.

И тут приказ явиться немедленно.

Зевая и спотыкаясь, он выбрался из уника, взбежал по ступеням к дверям похожего на греческий храм здания. И едва ступив через порог, осознал, что сонливость, еще недавно гнувшая к земле, исчезла без следа.

Оба консула, и второй, и первый, мрачные, как два ворона, сидели на своих тронах.

А в гостевом кругу мялись, нервно поглядывая друг на друга, трое парней.

Одного Руслан знал отлично, поскольку они не раз сходились в виртуальных схватках — Дайро, великолепный облакоходец, мрачный и угрюмый тип, доказавший умение читать полгода назад.

Имена других подсказало Облако.

Смуглый и худощавый Мирко Ратич, он перебрался из Австралии в прошлом месяце.

И пухлый белобрысый Фарлаф Трюгвассон, тоже новичок, но с Луны...

— Все в сборе, — сказал второй консул. — Рыба, транслируй. Данные мертвые, учтите.

«Мертвые» можно только просмотреть, но не записать, скопировать или отредактировать, даже изменить скорость их поступления или засечь параметры инфопотока не выйдет.

Ну, в теории...

На самом деле Руслан знал несколько способов, как решить эту задачу.

Но сейчас не время и не место.

Мелькнул перед глазами хвост Золотой Рыбки, искина Тавриды, и через пять минут Руслан знал все. И поначалу решил — им выдали фальшивку, игровую замануху, фиктивную информацию.

Ведь не может такого быть, чтобы обокрали музей коммуны, да еще и вора не схватили тут же!

— Эт-то в-выдумка? — спросил Ратич, нервно покусывая нижнюю губу.

То ли волнуется, то ли и вправду заикается и почему-то не избавился от недостатка.

— Нет. — Первый консул, узкоглазый и поджарый, тряхнул копной черных волос. — Хищение, назовем это так, произошло сутки назад, и мы до сих пор не отыскали того, кто это сделал, даже не определили виновника.

За двадцать четыре часа?

При огромных ресурсах и вычислительной мощи Золотой Рыбки?

— И мы хотим, чтобы это сделали вы, — добавил второй консул. — Один из вас. Лучший облакоходец.

Руслан поймал полный ненависти взгляд Дайро и презрительно усмехнулся.

Наверняка это испытание, проверка, на что способны новички, и заодно шоу для тех, кто будет наблюдать за их состязанием, за попытками распутать якобы совершенное преступление.

Самому тупому отродью Вельзевула ясно — никому не нужно хранящееся в музее старье!

Это игра!

Но поскольку игроки из высшей касты, то дело пойдет всерьез.

Никто не запрещает тебе убить соперника, но никто и не накажет его, если он прикончит тебя, и никто не будет восстанавливать твое сознание, пересаживать мозг в новое тело...

— Что похищено? — спросил Руслан.

К его удивлению, консулы замялись и обменялись нервными взглядами.

— Украшение, — сказал второй после короткой заминки. — Металлическая пластина. Размером с ладонь.

— Я готов! — выпалил Фарлаф. — Видит небо, никто не сравнится со мной!

«Хвастун, да еще и придурок», — подумал Руслан.

Отказаться? Плюнуть на все, заявить, что это не его дело?

Можно, никто его за подобное не накажет.

Вот только после такого серьга в ухе Руслана Пардо останется лишь украшением. Никто из высшей касты никогда не воспримет его всерьез как союзника или противника по одной из тех жестоких, настоящих игр, ради участия в которых он и учился читать!

Но уж нет!

Он докажет, что он лучший, а остальные, и в первую очередь Дайро, не стоят выеденного кокоса.

— Я тоже! — заявил тот.

— Да, — сказал Руслан, ощущая, как внутри оживают щекочущие пузырьки азарта.

Ратич просто кивнул.

— Отлично, — проговорил второй консул. — Я и не сомневался. Начинаем немедленно. Рыба передаст вам данные, пределы Тавриды — нейтральная территория, за помощью обращайтесь в любое время...

Вновь хвост Золотой Рыбки ударил по глазам, и в имплантаты Руслана пошли данные, на этот раз не «мертвые», а настоящие, со сканеров и камер, под прицелом которых находится музей коммуны.

Вот оно, здание в форме ракушки, стоит на холме рядом с не так давно восстановленным из руин Владимирским собором. Смотрит на бухту, несколько веков служившую убежищем для военных судов, поначалу деревянных, затем стальных.

Перед глазами Руслана промелькнула анфилада комнат — стекло витрин, экраны интерактов, позволяющих с головой нырнуть в древнюю эпоху, пушки времен обороны

Севастополя, картины давно умерших художников, статуи и инсталляции эпохи Большого Падения.

Вот оно... Можно включить запись.

И вправду металлическая пластина, семь на пятнадцать сантиметров, только изображение почему-то размытое.

«Рыба? Качество?» — спросил Руслан.

«Максимум дозволенного», — отозвался искин.

Ага, так, значит, данные отредактированы! Или эта штучка просто не существует! Рисунок, фальшивая приманка, за которой на радость многочисленным зрителям отправятся четверо юнцов.

Здание музея дрогнуло, словно началось землетрясение, стены покачнулись. Громогласный раскат, наверняка прозвучавший только в Облаке, прикатился сверху, сканеры вырубались.

Комната оказалась заполнена густым туманом цвета крови, в нем колыхнулось нечто массивное. Дважды прозвучал звук, похожий на человеческий голос, ударил к потолку столб черного дыма.

Следящие приборы перестали функционировать на целых пятнадцать секунд!

А когда ожили, металлическая пластина исчезла без следа.

Но Руслан уже отстроился от уровня музея, перескочил на поток данных с наружных камер, со сканеров, наблюдающих за центром давно покинутого людьми Севастополя...

Кем бы ни был вор, он должен выйти из здания.

Руслан ничуть не встревожился, увидев, как из дверей музея начинают выбегать безликие черные фигуры в обтягивающей одежде: перчатки скрывают ладони, даже глаз не видно.

Сорок три человека одновременно, но лишь один из них настоящий, остальные — фантомы, виртуальные подопытия, с немалым искусством запущенные непосредственно в Облако.

Можно расковыривать каждый, убить кучу времени...

Но Руслан вновь переключил уровень наблюдения, запросил данные об энергетической активности. Надо отследить

старт транспорта классом выше обычного уника где-то в окрестностях.

Вряд ли вор решил покинуть Тавриду пешком или на лодке.

Краем уха различил топот — это Фарлаф решил, что знает достаточно, и ринулся по верному, как ему кажется следу.

Сорок три инициации движка в интервале пяти минут, и все в разных углах заброшенного города?! Мошонка Астарота, тот, кто придумал эту шараду, не пожалел времени, сил и ресурсов!

Так, вот и Дайро покинул консульский дворец, донесся свист взлетающего уника. Руслан ощутил смутное недовольство — что он пропустил, а соперники обнаружили и решили, что этого хватит?

Понятно, они докачивают информацию на ходу, надеясь изучить позже...

Тени фантомов, но это ненадежный материал, их слишком легко сконфигурировать, подлинную сделать похожей на рисунок, а иллюзорную наполнить объемом и жизнью.

Гравидетекторы?

Один из вариантов, но их точность оставляет желать лучшего, да и обмануть эти приборы не так сложно.

Руслан подумал, что вор не сможет целиком скрыть свои имплантаты, даже если вырубит любую связь с Облаком. Зато он в состоянии симулировать инфообмен вокруг любого из фантомов, и даже не одного!

Все запутано и накручено, сплетено в громадный сложный узел.

Нет, он не будет спешить, просмотрит до конца, а потом заглянет на плавучий остров посреди Черного моря.

Там обитает тип, сожравший не одного бульдога на развлечениях подобного рода.

Умен как бес – и зол ужасно

— Двадцать лет мы готовились к этому дню, и вы хотите, чтобы я отступил? — проговорил Шварцетод, добавив

в голос такое количество презрения, чтобы его различил даже полностью лишенный мозгов тупица.

Они мнят себя соратниками, но на самом деле лишь ученики, последователи, ведомые...

Все детали плана ведомы лишь ему... и еще одной персоне.

— Но почему мы не можем выступить в открытую? — Это Ризард, он недавно перенес себя в новое тело, наполовину механическое, наполовину биологическое: паучьи ноги, торс рыжей обезьяны и голова хамелеона с выпученными, непрерывно ворочающимися глазами.

И неизбежная модификация горла — чтобы не лишиться возможности говорить.

«Слава тебе, сокрытый и неявленный, что ты позволяешь существовать таким дуракам, даруя мне тем самым силу изменять этот мир и готовить его к твоему приходу», — подумал Шварцетод, невозмутимо поглаживая бороду, — он знал, этот жест раздражает Ризарда неимоверно.

— У нас достаточно сил, чтобы занять Юпитер! — запальчиво воскликнул тот.

— И тогда в руках верных будут ресурсы Большого Пояса, — вступила Лейла, чей глаз мерцал из сплетения щупалец. — Мы сможем обрести тысячи братьев, разжечь костер веры там, где ныне лишь холодная пустыня неверия!

— На каждую тысячу братьев мы получим сто тысяч врагов, — сказал Шварцетод. — Как только станет ясно, что именно происходит, все коммуны объединятся против нас.

— Но у них нет настоящего оружия! Они не умеют воевать! — вновь Ризард.

— Клянусь грядущим имамом, хватит игрушечных боевых механизмов, чтобы превратить наши астероиды в пыль. — Шварцетод наклонился вперед, фыркнул. — Подумай! Вспомни, что у тебя в голове не только имплантаты, а еще и живые мозги! Обратись к Писанию, наконец! Ибо терпеливых будет жизнь вечная, а тех, кто торопится, ждет песок во рту и уголья, пылающие во чреве!

«Щенки, — подумал он почти ласково. — Не выросли у вас еще зубы меня кусать».

Ризард обидчиво засопел.

— Но почему мы свернули миссионерскую программу? — Это Вианчес, благообразный до тошноты, хоть рисуй его на иллюстрациях к тем главам Писания, где речь идет о проках.

Он и существует исключительно для того, чтобы изображать главу коммуны для посторонних, для гостей и новичков, зато для размышления, выработки идей, воплощения в жизнь планов совершенно не годится.

— А дабы не привлекать к себе внимания, — ответил Шварцетод и добавил тихо: — Чистая мания.

Привычка рифмовать была с ним с самого детства, когда он еще жил на Земле, и с тех давних времен в нем изменилось все, кроме нее. Он хорошо помнил, как возникли коммуны на астероидах, сам находился в числе тех, кто восстанавливал поселение на Весте.

Первыми тут устроили базу вояки одной из стран, позже сгинувших в огне Большого Падения. Затем они ушли, и через сто с лишним лет явились новые обитатели, и возглавлял их в числе прочих коренастый бородач с мощным голосом.

Шварцетод позаботился, чтобы информации об этом не осталось в верхних слоях Облака, как и записей о том, сколько ему на самом деле лет и откуда он родом.

Ты тем сильнее, чем меньше знают о тебе другие.

Вианчес брякнул очередную глупость, Ризард возразил, зачем-то высказалась Сария, обычно на ежедневных Советах молчавшая, и Шварцетоду осталось только наблюдать.

— Спокойнее, братья и сестры, — проговорил он негромко, когда разговор выродился в перепалку. — Обратимся же к Махди, к тому, кто стоит за реальностью, и попросим его даровать нам мудрости.

Спор мгновенно утих.

Минут десять они говорили о повседневных делах, намного спокойнее, чем ранее, хотя Шварцетод чувствовал напряжение и недовольство, и гнев, и раздражение, направленные на него.

Прекрасно, это и есть топливо, питающее огонь истинной власти.

Затем они вместе прочитали молитву, и Шварцетод выпал из Облака.

— Балда, — сказал он, протягивая руку к стоявшему на столике древнему бокалу из серебра. — Записи совещания немедленно отредактировать по обычному алгоритму. Отредактировать логи собственных действий. Понял, уродская твоя харя?

Незачем посторонним знать, о чем они говорили.

Краем уха уловил ответ искина, с наслаждением отхлебнул подогретого вина. Можно вывесить в Облаке статус «недоступен», снять надоевшую бороду, псевдоживой нейроментальный усилитель, позволяющий совершать такое, на что не способны обычные имплантаты.

И немного развлечься.

Граждане других коммун проектировали боевых роботов и тратили десятилетия на битвы, исследовали дно земного океана, отправляли корабли в недра Солнца, возводили города в бешеной атмосфере планет-гигантов, готовили межзвездные экспедиции, кто к альфе Центавра, кто к Летящей Барнарда.

Избранные — ученые Весты занимались много более практичными делами, они изучали секреты истинного творения, создавали живых существ, големов разного вида и назначения, от уродливых карликов, способных работать при тяготении в пять «же» до идеальных подобию человека, разве что без разума и души, формировали новые тела, способные вместить мозг погибшего.

И продвинулись они намного дальше конкурентов...

Шварцетод время от времени позволял себе зачерпнуть немного из потока разнообразных тел, самому принять участие, поиграть с почти человеческой плотью, изготовить кое-что для себя самого.

Бороду он швырнул на пол, и та, судорожно извиваясь, поползла к кормушке. Щелкнул пальцами, и незаметные для обычного глаза створки в стене разошлись, открыв нечто вроде громадного — два метра в высоту, дно пять на пять — аквариума без воды.

Шварцетод щелкнул пальцами второй раз, и в боковых стенах аквариума поднялись заслонки.

Из правой ниши шагнула рыжеволосая девушка, колыхнулись полные груди с темными торчащими сосками. Из левой выбралась ее темнокожая копия, чуть пониже, шире в кости, провела ладонью по нежной коже живота, высунула язык.

Куклы, прекрасные и сильные тела, во всем покорные воле хозяина...

К следующему разу одной из них можно придать облик Людмилы — будет забавно.

— Вперед! — скомандовал Шварцетод, и девушки бросились друг на друга.

Рыжая изо всех сил ударила темнокожую кулаком в ухо, но та не остановилась. Пригнувшись, боднула противницу в живот, вцепилась зубами в сосок так, что плоть захрустела под резцами.

Получив удар ребром ладони по шее, отступила, кровь брызнула на стекло.

Дыхание Шварцетода участилось, он сжал кулаки, облизал пересохшие губы. Стиснул ножку бокала с вином, другой рукой, сам того не замечая, начал поглаживать пах.

Несколько минут, и одна из кукол проиграла.

После чего он сам войдет в «аквариум».

И там, в крови и грязи, на еще не остывшем трупе возьмет победительницу разными способами, подарит ей несколько мгновений наслаждения перед тем, как убить ее... каким образом и насколько быстро, Шварцетод еще не решил, но вариантов много, очень много.

Он отхлебнул еще вина и огладил голый, безволосый подбородок.

Уныла пленница с тех пор...

Сон каждый раз означает для Людмилы забвение, исчезновение, смерть.

Выныривая из его темных глубин, она нервно дышит, стискивает простыни скользкими от пота пальцами. Затем

садится и смотрит в окно, за которым плывут огоньки, уника и системники, мерцают звезды, и не все из них — настоящие шары из раскаленного газа.

Некоторые — спутники, другие — астероиды семейства Весты.

Теперь она знает, где находится, понимает, кто она такая, почти всегда может мыслить связно и последовательно, умеет владеть телом и помнит слова. Только это не помогает — внутри по-прежнему черная бездна страха, готовая в тот же миг поглотить ее, стоит только поскользнуться, сделать неверный шаг.

Людмила все так же не верит своим хозяевам, пусть даже не знает почему. Астероидный город населяют не только монстры и механические существа, но и вполне обычные люди, но и они отчего-то кажутся чужими, ненастоящими, заводными игрушками из громадного аттракциона.

Может быть, дело в том, что ей пока не дали доступа к Облаку?

Говорят — опасно, мозг ее не прижился в новом теле, включенные имплантаты и информационная перегрузка могут принести вред, угробить тонкую работу по пересадке сознания в новую оболочку. Но почему она не помнит ничего из своего прошлого, из той жизни, что была до гибели?

Подъем, душ, одевание, дверь отъезжает в сторону с мгновенной задержкой.

Это ее вторая прогулка по астероидному городу — коридоры идут в разных направлениях, стремительные лифты возникают и исчезают, спиральные лестницы мягко вьются, всюду приятный свет, изогнутые стены; и населяют все это великолепие существа, частью не отличающиеся от нее, но порой такие жуткие, что возникает желание закрыть глаза и вернуться в забвение, туда, где она не видит снов.

Людмила медленно идет по знакомому проходу, останавливается около увенчанного аркой проема. За ним, она знает, находится клуб жевунов, где собираются любители пробовать то, без чего жить не могли предки, просто ради того, чтобы ощутить вкус, а затем выплюнуть получившееся месиво в утилизатор.

На ее взгляд, это выглядит одновременно притягательно и отвратительно.

Мысль о том, что она может не есть и не умрет, больше не пугает, но все же выглядит странно.

Трансформ, изобретенный в далеком прошлом, позволил людям победить страх голода, избавил их от необходимости есть и разрушил тот мир, что существовал до Большого Падения, с его странами, войнами и прочими ужасами.

— Привет, — говорит остановившийся рядом с Людмилой чернокожий мужчина, чьи волосы напоминают пух одуванчика: одуванчик, лютики, ногти, гладиолусы, розы, ирисы, цветы. — Ты новенькая? Почему я тебя не знаю? Пойдем, порадуем друг друга, а?

Его обтягивающие штаны на миг становятся прозрачными, и она видит пенис чудовищных размеров, едва не шевелящийся, похожий то ли на червяка, то ли на безглазую змею: змеи, ящерицы, крокодилы, пресмыкающиеся — понятия вываливаются из незримого и необъятного хранилища, мечутся в голове подобно свихнувшимся разноцветным бабочкам.

Людмила ничего не отвечает и идет дальше.

Чернокожий что-то кричит вслед, но она не обращает внимания, спускается по лестнице. Перед ней открывается громадный зал с сотней входов на разных уровнях, в середине его огромная чаша, и в ней сочится водой колонна, Фонтан Слез, как называют его жители Весты.

Большая часть местных поклоняется Махди, тому, кто скрыт, но вот-вот явится, чтобы принести людям добро, свет, мудрость и процветание. Его последователи — все до единого, кто носит татуировку избранничества на теле, и некоторые из простых граждан Весты, из тех, кто не умеет читать.

Как к этому относиться, Людмила не знает, она не очень понимает, как можно верить таким образом. То она думает, что это изъян ее сознания, он рано или поздно исчезнет, то полагает, что в коммуне Весты очень много сумасшедших.

Навстречу ей попадает группа детей под присмотром одной из аватар Балды. Искин подмигивает, и тут же, словно это был сигнал, коридоры и залы города оглашает протяжный мелодичный звук — то ли человеческий голос, сильный

и красивый, то ли заунывная песня музыкального инструмента.

Трубы, фанфары, рожки, горны... она усилием воли иссушает водопад понятий.

Призыв.

Поклонники Махди опускаются на колени там, где звук поймал их, из пола под каждым выдавливается покрытый белой вязью темно-бордовый ковер толщиной в палец. Дети прекращают болтать, замирают на месте, а сама Людмила, удивленная и испуганная, отступает к стене.

Ей не нравится то, что происходит, поскольку его нельзя объяснить разумом. Несколько раз в день простираться на полу, упираться в него лбом и бормотать нечто на древнем, мало кому понятном языке ради обращения к невидимому сверхъестественному существу — это выглядит глупостью, но разве могут быть глупцами столько людей одновременно?

И в одновременности этой, слитности, единомыслии кроется грозная сила, готовность сделать все ради торжества своих идей, пойти на любое преступление, убить, предать, уничтожить. Поэтому Людмила молча смотрит, как изящная женщина в сари... сари, кимоно, палантин, пончо... стоп!.. делает поклон за поклоном, прикладывает ладони к лицу, как тот же самый ритуал исполняет громадный безволосый мужчина с крыльями летучей мыши за спиной... хрустит и лязгает металлическая гусеница с человеческой головой, ее манипуляторы хищно блестя, повторяют священные, предписанные традицией жесты.

Когда звучит новый призыв, обозначающий завершение молитвы, Людмила облегченно вздыхает и идет к Фонтану Слез, над которым парит изображение седобородого улыбающегося старца — он приветственно машет, вокруг добрых глаз собираются лукавые морщинки, лоб его высок, и взгляд проникает в душу.

Вианчес, лидер коммуны Весты, недавно избранный на очередной пятилетний срок — теми, кто нашел пару минут, чтобы проголосовать.

Он чуть ли не единственный выглядит тут просто человеком, от остальных Людмилу бросает в дрожь, а от одного

воспоминания о Шварцетоде или чудовищах из его свиты она покрывается потом, а мускулы сами собой напрягаются, готовя тело к бегству или схватке.

Но драться бессмысленно, а вот покинуть это место... отправиться для начала на другой астероид... Она знает, где находится стоянка уников, и ноги сами несут ее туда, через узкий, идущий вверх коридор, затем на лифте вниз, и вот она на широком пандусе, тот нависает над огромным ангаром, и внизу блестят в полумраке корпуса транспортных машин, зеленые, алые, шафрановые, серебристые.

Балда возникает перед ней во всем четырехруком великолепии, качает одноглазой башкой, рыжие волосы колыхаются как настоящие.

— Тебе нельзя сюда, — говорит он мягко.

— Почему? — Она чувствует нарастающее раздражение, даже гнев.

— Пока опасно, — отвечает искин.

— Для кого? — Она наступает, сжав кулаки. — Всем можно, а мне нельзя, да?

— Ты можешь навредить себе, — голос Балды мягок, но в нем таится непреклонность: он только лишь выполняет заложенную в него инструкцию и не отступит, это Людмила понимает, но остановиться не может, поскольку эмоции захлестывают ее с головой.

— Пусти! — кричит она, бросаясь вперед.

Аватара рассыпается искрами цвета меди, но тут же возникает снова, чуть далее. Ухмыляется, показывая редкие зубы, огромные и кривые — кто только спроектировал искина таким уродом? — и Людмила понимает, что она не в силах сделать и шага, даже стоит с трудом.

Тело вновь предает ее, как уже случалось не раз, откачивается повиноваться, из послушного, великолепно настроенного инструмента превращается в грудку костей, мяса и ливера. Почему это происходит, она не знает, но всякий раз пугается до икоты и злится до холода в животе.

— Завтра мы подключим тебя к Облаку, — говорит Балда. — Посмотрим, как пройдет. Сейчас же возвращайся в жилую зону... Весту тебе пока нельзя покидать, это опасно.

Искин вновь улыбается, и на его лбу, до сей поры девственно гладком, возникает сетка из морщин, настоящий узор вроде белой вязи, что выступает на темной плоти молитвенных ковриков, переплетение иероглифов, воплощение смысла, ведомого только посвященным.

Природа, мудрость и покой...

Рукотворный остров с воздуха напоминал бульдожьей морду — ушки причалов, два глаза бассейнов, на месте носа торчит дом, увенчанный черной округлой бульбой чердака. Единственный обитатель, судя по метке в Облаке, не спал.

То ли уже вскочил, то ли, что вероятнее, еще не ложился. В ответ на запрос Руслан получил разрешение сесть.

Его уник, розовый, как заря над волнами, мягко шлепнулся на одну из бульдожьих щек. Из дома вышел Финн, как всегда полуголый, в одних трусах, жидкие светлые волосы свисают до пояса.

— Ха! — воскликнул он, когда Руслан выбрался из кабины. — Давно не виделись! Заходи! У меня новый урожай! Пробирает так, что из задницы дым идет!

Финн развлекался, выращивая разные интересные растения, создавая новые виды, скрещивая их между собой.

Познакомились они три года назад на масштабном дрим-контесте в коммуне устья Дуная, когда Руслан впервые показал себя, и имя его узнали облакоходцы Причерноморья.

— Травя потом, дело есть! — воскликнул он, пожимая мозолистую ладонь хозяина.

Финн, тощий, жилистый, с темными глазами навывкате, посмотрел на гостя недоверчиво:

— И зачем летел? Просто связаться не мог? Совсем сдурела моя старуха...

— Мог, но... — и Руслан развел руками.

— Понятно. Тогда заходи... но покурить все же надо... ха!

Внутри дома, выращенного по дикому плану без прямых углов или ровных поверхностей, воняло горелым

и сладким. По потолку неторопливо ползали симбионты-очистители, их тела пульсировали, испуская тревожный багровый свет.

— Садись... — Финн небрежно кивнул на низкий, продавленный диван, застеленный дырявым покрывалом цвета безумия.

Мебель он собирал сам в заброшенных городах Малой Азии, и на реставрацию времени и сил не тратил, оставлял как есть.

— Курим, — продолжил хозяин, опускаясь на другой такой же диван. — Вот, держи...

Руслана трясло от нетерпения, но он понимал, что дедаться некуда.

Приняв огромную, с палец, самокрутку, затянулся, и едва не заорал, таким едким оказался дым. Почудилось — грудь изнутри скребут кошки, а мозги превращаются в зеленоватый туман.

— Ха, сила! — заявил Финн, пыхтя, точно древний паровоз.

Минут через пять он швырнул горелый бычок в угол и лениво осведомился:

— Тебе чего-то было надо? Или ну его?

— Нет! Надо! — воскликнул Руслан и начал трансляцию данных.

Финн причмокивал, чесался, ковырял в носу, но сонный дурман понемногу исчезал из его глаз.

— Ты прошел испытание, — сказал он. — И тебя впрягли в игру? Хочешь помощи?

— Ну да... — признал Руслан. — Неужто тебе не интересно с этим разобраться?

Финн был лучшим в делах, касавшихся Облака, любых блокировок и защит, шифров и трансформаций. Знал все насчет иллюзий, создания псевдореальных образов, способных обмануть любые средства наблюдения, кроме человеческих глаз.

— Интересно, — признал он. — Смотри и учись, молодкос.

Последнее слово Руслану не понравилось, но он смолчал.

Облако загустело, уплотнилось вокруг рукотворного острова, имплантаты хозяина заработали на полную мощь. Заструились потоки данных, закрутились изображения, полученные с камер и сканеров в окрестностях музея.

«Что внутри, нас не интересует, — комментировал Финн, орудуя сепараторами с такой скоростью, что Руслан едва успевал за ним следить. — Нам нужен реальный образ. Фильтруем».

Темные фигуры, выбегавшие из дверей здания-ракушки, начали бледнеть, сделались прозрачными. Затем вновь почернели, зарыбились, стали похожи на дыры, вырезанные в листе пластика.

Финн работал с изящной стремительностью профи, вокруг него мерцало облако данных — отброшенная «шелуха», отрезки использованных алгоритмов, растущий столбик логов.

Руслан ежился от зависти.

В другой раз не удержался бы, начал записывать все подряд, грузить в память. Только сейчас нельзя — обидится хозяин, откажется помогать, и что тогда, отступить и сдаться?

«Мастера делали, — сказал Финн, и неподвижные черные фигуры на крыльце музея начали одна за другой взрываться цветастым огненным конфетти. — Но не на того напали. Ха, вот он, твой похититель! Держи!»

На ступенях осталась единственная фигура.

Кадр ожил, и ловкий вор бегом ринулся через площадь.

Руслан зацепил поток данных, заскользил по источникам... пробежка среди развалин, старт уника прямиком с Графской пристани, одновременно еще с пятью, и они брызнули в разные стороны, точно мальки от хищной рыбы.

Вот он, золотисто-лиловый, мчится на юго-восток!

Вновь переключение, в этот раз на систему контроля движения околоземного пространства... Логи сегодняшней ночи, идентификационный номер, сверкающая линия, наложенная на изображение зелено-синего шара...

Мадагаскар? Коммуна Острова?

— Ха, вот и все, — сказал Финн. — Проще горелой микросхемы. Покурим еще?

— Нет... спасибо, — Руслан торопливо вскочил.

У него есть соперники, чтобы их черти за задницу покушали, и сидеть на месте нельзя.

— Как знаешь. А я дуну. — И хозяин выволок из-за дивана огромный кальян из потемневшего от времени серебра.

Руслан выскочил из дома, с наслаждением глотнул свежего воздуха, свет едва поднявшегося солнца показался ослепительно ярким. С шипением закрылась дверца уника, и тот понесся над морем, набирая высоту.

Поймать траекторию вора и пристроиться к ней — дело секунд...

На Мадагаскаре, в тамошней огромной коммуне тот наверняка поменял транспорт. Сохранил при этом инкогнито, следы в Облаке постарался затереть, но что-то наверняка осталось.

Азарт клокотал внутри Руслана.

На черный уник, появившийся с востока, он поначалу не обратил внимания. Отметил машинально — траектории их пересекутся через две минуты семнадцать, как раз над берегом, что показался на горизонте.

Вызов ударил в голову подобно острому тяжелому копыю: «Умри!»

Дайро?

Руслан свалил уник в пике, но чужие команды уже проникли в электронные мозги машины. Та вздрогнула, рванула вверх, зарыскала по курсу, двигатель издал протяжное клокотание и перешел на форсаж.

Отродья Вельзевула!

Выпад в сторону врага, одновременная попытка зачистить систему от шума, но поздно и медленно... Почти настоящий металлический звон в ушах, когда натыкаешься на щит заранее поднятой блокировки...

А впереди берег, обрыв, белый прибор...

Дайро хочет разбить машину о скалы, превратить в кровавое месиво того, кто внутри!

— Дьявол! — заорал Руслан.

Он контратаковал, целясь в имплантаты Дайро, надеясь ослепить, отвлечь того хоть на мгновение. Заглушил движок,

чтобы уник отвесно спикировал в прозрачную воду, скрылся в глубине.

Что-то лопнуло внутри черепа, кровавый туман встал перед глазами.

Через грохот в ушах уловил, что двигатель опять работает, попытался замкнуть на себя управляющий контур. Швырнул в Дайро программу, приготовленную на черный день, и с наслаждением услышал долетевший через Облако крик.

Затем Руслана с жуткой силой ударило о твердое, захрустели кости, и все поглотила чернота.

Шумят знамена бранной чести

Кинг Дадн сидел в каменной неподвижности, обхватив ладонью выдвинутый подбородок.

Здесь, в боевой рубке, он ощущал себя богом, тысячеглазым и тысячеруким, способным в одно мгновение преодолеть расстояние в миллион километров, стать тяжелым неповоротливым монитором, что плюется огнем и принимает на защитное поле чужие удары, юрким истребителем, кувыркающимся в хаосе боя, разведчиком, который гладит пространство веерами сканеров, ловит вспышки света, излучения, гравитационные аномалии, собирает и передает информацию...

Но не дело полководца влезать в шкуру каждого из боевых роботов или в голову командира дивизиона. Его задача — стратегия, картина целиком и своевременные решения, позволяющие трансформировать ситуацию мновением руки.

Данные стекались к нему со всех сторон, от сотен кораблей, разбросанных по объему полигона, куба со стороны в астрономическую единицу; один за другим поступали краткие доклады от подчиненных.

Выпад на верхнем фланге удался, но потери велики, нужно подтянуть резервы.

Удар в центре они выдержали, и необходимо атаковать, пока враг не опомнился!

Да, в прошлый раз, когда сражались на видимой стороне Луны, в районе Моря Ясности, все было иначе, там он двигал войска в двух измерениях, сейчас нужно учитывать три.

Да и нынешний противник, коммуна с Венеры, намного серьезнее.

Если бы не Золотой Петушок, чьи метки в виде желтой птички стоят на каждом разведчике, дело обошлось бы куда хуже. Апдейт проверили несколько раз еще на Земле, прогнали через «микроскоп», и лучшие облакоходцы Гудзона признали — эта штука безопасна.

Если на противосолнечном направлении все ограничилось маневрированием и вялой перестрелкой, то на солнечном Инга три часа назад вступила в жестокий бой. Эх, убрать бы механотелую в глубокий тыл, но хоть Дадн и полководец, сделать этого он не в силах — посты раздают, учитывая вклад каждого в проектирование и разработку, заслуги и победы в прошлых схватках.

Центр важнее, если прорваться там, то на флангах они сами отступят.

Доклад от Петера, ответный приказ атаковать, больше показательно, разбрасывая силы, чтобы враг и не подумал снять хоть один истребитель с нижнего направления; нужно приготовить защитные построения на верхнем, где венериане затевают нечто серьезное, хотя не ясно пока, что именно.

И в какой-то миг — неожиданная тишина в Облаке, никаких срочных запросов и неотложных вызовов.

Дадн покрутил головой, осознал, что ноет затекшая шея, болят глаза, в пространстве боя он провел четырнадцать часов без перерыва и неудобно чувствует себя даже в кресле-коконе.

Надо размяться, посмотреть на обычный мир.

Он моргнул, кресло встало вертикально, подошвы тяжелых ботинок ударили в пол.

— Отсель грозить мы будем шведу! — пробормотал Кинг Дадн, потрясая большим черным кулаком.

В боевой рубке он один, зрителям сюда доступа нет, никто не увидит и не услышит.

Разве что подарок Звездочета: он устроился на специально выращенной для него подставке, перья блестят, голова наклонена, глаза моргают, впору поверить, что птица настоящая.

И зачем отшельник изготовил ее?

Мог обойтись апдейтом в чистом виде, набором кодов.

Хотя штука красивая, и именно для того, чтобы оживить обстановку, Дадн ее с собой и взял.

— Тесним мы шведов рать за ратью, — продолжил он цитировать неведомо откуда явившиеся в голову строчки. — Темнеет слава их знамен, и бога браней благодатью наш каждый шаг запечатлен... Ох-х-х...

Присесть, потянуть ноги, взмахнуть руками, изогнуться так, чтобы каждый позвонок обрадовался.

И тут же писк в ушах, настойчивый вызов от старшего сына, Чарльза, он возглавляет силы верхнего фланга: так, пошла информация, три разведчика потеряны, но другие два свою задачу выполнили, и можно понять, что готовят венерианские засранцы.

Золотой Петушок встрепенулся, из клюва его вырвалось недовольное кудахтанье.

Это еще что?

На самой границе полигона с противосолнечной стороны обнаружено нечто большое — судя по засечке, один громадный боевой робот, несколько очень крупных или скопление мелких!

Откуда они там взялись?

Движение за пределами зоны боевых действий запрещено, это дисквалификация, и пусть Облако на окраине Системы не такое плотное, спрятаться от взглядов зрителей невозможно!

Их ведь сотни тысяч, со всех планет, астероидов и хабитатов!

«Погоди», — прошептал Дадн сыну и забрался обратно в кресло-кокон.

Полученные разведкой данные он отсмотрит чуть позже, сейчас надо понять, что за новая угроза. Кинуть туда пару разведчиков из его собственного резерва, по разным

траекториям, а Зое, она командует на противосолнечной стороне, дать приказ на перегруппировку.

Чтобы было чем встретить удар, если он вдруг последует...

И пора заглянуть в центр, проверить, что делается там, на направлении главного удара — потери растут, это неизбежно, реки огня и невидимые шквалы импульсов терзают пространство, летят в стороны клочья обгорелого металла и мертвые, искореженные корпуса роботов.

Тамошний командир увлекся, нужно поддержать атаку легких сил тяжелыми, иначе можно получить во фланг... и вот, уже получаем, а значит пришло время останавливаться, маневрировать, а это потеря темпа!

Кинг Дадн с неудовольствием подумал, что Наполеон или Жуков такого бы себе не позволили.

Так, а что у нас с противосолнечной стороны...

Заглянув в тело одного из разведчиков, Дадн на мгновение забыл, где находится и чем занят. Комплекс-сканер передал четкую картину — металлический планетоид диаметром в сорок километров, излучающая угрозу мрачная громада, артефакт времен первого освоения Системы, когда страны-гегемоны готовились к беспощадной битве в пространстве.

Только вот выглядит он мертвым!

Почему тогда Золотой Петушок показал — эта штука движется?

От души у Дадна отлегло — этот механизм в схватке не участвует, он лишь безмолвный свидетель войны на полигоне. Странно, почему его не обнаружили те, кто сражался здесь раньше... или боевую станцию принесло непредсказуемыми гравитационными течениями?

И это возможно...

Пошли данные от разведчика, оказавшегося ближе всех к бронированной громадине — объем, масса, уровень информационной проницаемости близок к нулю, что неудивительно, поскольку древние прятали свои секреты по мере сил, показатели активности тоже нулевые, предположительное время и место изготовления — Новая Китайская

Народная Республика, верфи Чунцина, две тысячи сто одиннадцатый год.

Самый канун Большого Падения, Трансформ придуман и начал разрушать основанный на страхе голода социум, и кое-где власти пытаются его запрещать под страхом смертной казни...

Еще бы... как манипулировать людьми, не нуждающимися в еде?

Вновь сигнал тревоги, на этот раз от Чарльза — венериане нанесли удар сверху, начали раскрываться, и это значит — о китайской станции можно забыть, выкинуть из головы.

По крайней мере, до окончания войны.

В то время доблестный Фарлаф...

В голову Фарлафа назойливо лезли картины того, как он вернется в Тавриду с триумфом. Он отгонял их, напоминая себе — дело еще не сделано, впереди наверняка ждут ловушки, подстроенные организаторами игры.

Но потом срывался и начинал думать, как он, такой красавец, в лучшей одежде войдет в консульский дворец победителем, услышит поздравления и на какое-то время станет объектом домогательств сотен женщин...

Удивительно, что его соперники не заметили явного свечения подлинности от одной из фигур на пороге музея!

Хотя чего странного, кто они, а кто он?

Его имплантаты не совсем такие, как у землян, и в глазах есть усилители, какие используют только у них в коммуне. Они позволяют заглянуть в самые тонкие, разреженные слои Облака, не выпадая из обычного мира, не переставая действовать, двигаться, побеждать!

Уник Фарлафа мчался на северо-запад, внизу мелькали леса, холмы, изгибы рек. Попадались древние, заброшенные города и современные жилкомы, одни напоминали деревья или кораллы, другие были простыми структурами из кубов и параллелепипедов, поднимались стены блестящие, разноцветные или монотонно-серые.

След похитителя вел в сторону Исландии.

Писк вызова заставил Фарлафа вздрогнуть, оторваться от мыслей о скорой и неизбежной победе. Нырнув в Облако, он открыл канал связи и обнаружил, что на него смотрит черная голова огромной змеи: вытертые чешуйки на висках, пронзительные желтые глаза.

«Да?» — спросил Фарлаф, думая, так ли на самом деле выглядит его собеседник или это сотканная из информации «маска».

«Доблестный поединщик, — произнесла змея хриплым старушечьим голосом, — позволь мне предложить тебе помощь...»

«Видят небеса, я в ней не нуждаюсь!» — заявил Фарлаф.

Сомнений не осталось — это ловушка, попытка сбить его с верного пути, замысленная кем-то из безнадежно отставших, откровенно тупых противников, лишь по недоразумению именующих себя облакоходцами!

«Ты уверен?»

Но он уже не слушал, захлопнул канал связи и отгородился от новых вызовов стандартной блокировкой... Точнее, попытался это сделать, поскольку диалоговое окно не закрылось, а голова рептилии так и осталась висеть перед глазами. Даже вроде бы заулыбалась, а за спиной у гадины обнаружились трепещущие перепончатые крылья.

«Кто ты? Чего тебе надо?» — спросил Фарлаф, не скрывая раздражения.

«Зови меня Черным Змеем. И я хочу помочь тебе».

«Но почему? Что тебе за дело до меня?» — Задавая вопросы, он плел сетку запроса в Облако, окутывал канал разведочными пингами, чтобы узнать, откуда его вызывают и кто находится на другом конце.

«Можно сказать, я поставила на твою победу», — сообщила Черный Змей.

Сеть запроса окуталась огневещущим туманом и рассыпалась, пинги отскочили один за другим. Сброшенное подключение отозвалось в голове Фарлафа ноющей болью, глазные имплантаты породили резь в зрачках, накатило перемешанное со страхом изумление.

Неужели он встретил кого-то не просто равного себе, а куда более сильного?

«Ты увидишь меня лицом к лицу и узнаешь, — сказала Черный Змей насмешливо. — Только позже, мой дорогой. А теперь смотри внимательно, я буду показывать медленно».

Поток данных заструился через его голову.

Изображения, предъявленные консулами, след подлинности на одном из темных человекоподобных фантомов, что на самом деле фантомом не является, а скрывает за собой реального похитителя, и вот след этот вспыхивает, разлагается на спектральные составляющие, текут в разные стороны колонки цифровых данных, растет дерево вариаций...

Фарлаф застонал, в ярости хватил кулаком по подлокотнику!

Идиот! Почему не проверил сразу, на месте?

Это обман, искусная фальшивка, изготовленная специально для такого, как он, под его имплантаты, выращенные и апдейтнутые на Луне, в коммуне Моря Дождей!

«Да, я вижу... — выдавил он, скрежеща зубами. — Все дела... Но как ты...»

«Смотри дальше», — прервала его собеседница.

Другой фантом, ничем не отличается от прочих, хотя нет же, если приглядеться... Он отбрасывает тень, и она, это четко видно на одной из камер, меняет форму, когда он движется!

У прочих тени тоже есть, но схематичные, условные!

Остается построить маршрут, понять, куда отправился похититель, и изменить курс, помчаться за ним! Фарлаф проследил, как желтый, напоминающий початок кукурузы уник стартовал из района Инкермана, зафиксировал его траекторию до трансузла на Кара-Даге.

— Проклятье! — Он чуть не заорал от досады. — Похититель оставил Землю!

Его собственный уник резко поменял курс, перегрузка мотнула тело в сторону. Двести километров до коммуны Карпат, где можно оставить эту машину, взять другую, способную перемещаться не только в пределах планеты, но и по всей Системе.

«Ну что, мой дорогой, ты убедился, что я хочу тебе помочь?» — осведомилась Черный Змей.

«Да! Да!» — нетерпеливо отозвался Фарлаф.

«Тогда вот тебе код вызова, — искорка сверкнула на краю зрения, и в следующий миг пучок данных был уже в его памяти. — Обращайся, если вдруг попадешь в беду».

Голос ее стих, и Фарлаф, кусавший губы от раздражения и досады, остался в одиночестве.

И смутным ужасом полна

Переплетение иероглифов, воплощение смысла, доступного лишь посвященным... Слой на слое, потоки данных, полупрозрачные струи информации, все скручено в пульсирующем единстве, пронизывает то, что кажется монолитным, извлекает знание из мертвого, изменяется, дышит, поет, кричит, шепчет на десятки голосов, замутняется и просветляется...

Облако, колоссальная сеть, раскинутая на всю Солнечную систему, от хабитатов на орбите Меркурия до отшельнических поселений на замороженной, погруженной в вечную ночь паре Плутон—Харон.

Людмила получает к нему доступ вчера, под присмотром Балды, и едва не умирает от страха. Ее бьет судорога, ей кажется — голова лопнет, она сойдет с ума от этого многоголосия, от зрительных образов и ментальных проекций, что водопадами текут в ее мозг, переплетаются, вспухают разноцветной пеной.

Но затем она привыкает, учится отстраиваться, видеть и слышать только нужное, выясняет назначение своих имплантатов, содержание наиболее плотных и важных слоев Облака: системы жизнеобеспечения, связь с другими и поиск информации, новости коммуны Весты и поля развлечений.

Почти десять часов она лежит неподвижно, впитывая это новое знание, ощущая себя прозревшим слепцом. Тело ее реагирует знакомым уже параличом, она теряет способность